

У $\frac{152}{228}$

гр. А. И.
остерман.

У 152
 228

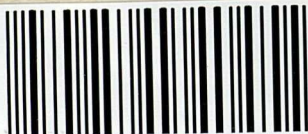
Графъ Андрей Ивановичъ
ОСТЕРМАНЪ.

9231-4629

«Il y a en moi quelque chose d'inexplicable,
«qui porte malheur aux gouvernements qui
«me négligent.»

Paroles du Prince de Talleyrand à Louis XVIII.

2007040096

30 мая 1686 года, въ прекрасное весеннее утро, происходила большая суматоха въ домѣ пастора Бокумскаго (что въ Вестфалии, въ графствѣ Маркскомъ). Пасторша, послѣ трудныхъ и болѣзненныхъ родовъ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Младенца окрестили по обряду Аугсбургскаго вѣроисповѣданія и нарекли *Генрихомъ—Іоанномъ—Фридрихомъ*.

Пасторъ Бокумскій, Іоаннъ — Конрадъ *Остерманъ*, былъ всеми уважаемъ за благородство своего характера, за свою благотворительность, и за ревностное исполненіе всѣхъ обязанностей своего сана. Супруга его слыла женщиною ума необыкновеннаго и возвышенной добродѣтели. Молодой Остерманъ провелъ первую свою молодость въ домѣ родительскомъ. Съ раннихъ лѣтъ замѣчали въ немъ нравъ холодный и по видимому безстрастный; умъ острый, дальновидный и тонкій. Полу-

чивъ прекрасное образованіе, онъ, на девятнадцатомъ году отъ роду, отправился путешествовать, и началъ съ Голландіи. Это было въ 1704 году. Въ Амстердамѣ имѣлъ онъ случай сойтись съ извѣстнымъ Корнелиемъ Крюйсомъ, Голландскимъ мореходцемъ, котораго Петръ Великій, въ первую бытность свою въ Голландіи, въ 1697 и 1698 годахъ, убѣдилъ вступить въ Русскую службу. Крюйсъ, прослужа нѣсколько лѣтъ со славою для себя и съ пользою для Россіи, отправленъ былъ Петромъ, съ чиномъ вице-адмирала, въ чужіе края, для привлеченія въ Россійскую службу иностранцевъ умныхъ и образованныхъ. Крюйсъ предложилъ молодому Остерману поступить къ нему секретаремъ. Для сына бѣднаго пастора, должность секретаря при сановникѣ, занимавшемъ важное мѣсто при Россійскомъ Дворѣ, было счастливою находкою. Остерманъ радостно согласился, написалъ къ отцу, получилъ его благословеніе и отправился съ Крюйсомъ въ Россію.

Зрѣлище Россіи въ тогдашнее время было крайне любопытнымъ и назидательнымъ для юноши, одареннаго умомъ столь обширнымъ, какъ Остерманъ. Стихія новизны и преобразованій только что приступала еще къ своей борьбѣ со стихіями предразсудковъ закоренѣлыхъ. Но съ Нѣмецкими именами являлись еще Старо-Московскіе обычаи; подъ мундирами нѣмецкаго покроя бились сердца, еще преисполненныя ненависти ко всему чужеземному. Старики, имѣвшіе столь значительный вѣсъ въ тогдашнемъ обществѣ, ненавидѣли иностранцевъ, какъ поборниковъ новизны и преобразованій; молодые видѣли въ чужеземцахъ соперниковъ, скорѣе